

ДАНИЛА КАТКОВ

**НЕГЛУБОКИЕ
СЛЕДЫ**

Данила Катков

Неглубокие следы

«Редакция Eksmo Digital»

Данила Катков

Неглубокие следы / Данила Катков — «Редакция Eksmo Digital»,

Книга о выборе, который рано или поздно приходится делать каждому человеку. Книга о главных вопросах. Насколько возможно быть свободным в современном обществе? Насколько мы обманываем ожидания друг друга? Является ли абсолютная свобода ключом к обретению долгожданного счастья? Книга о том, какой след вы оставите в этом мире.

© Данила Катков

© Редакция Eksmo Digital

Удар был страшной силы. Он лежал передо мной весь изломанный.

Опустив голову, я стоял, глядя на него в оцепенении.

Парень лежал недвижимо, уставившись пустыми глазами в небо. На молодом лице теплился румянец.

По сути, мне крупно повезло. Услышав крик, задрал голову и увидев летящее на меня тело, навряд ли у меня осталось бы время, чтобы отшатнуться. Если бы он упал на меня, то, скорее всего, этого столкновения не пережили бы мы оба. А так – не я лежал теперь на холодном каменном тротуаре. Я же стоял всего в полушаге, не зная что и делать.

Лишние контакты с людьми ни к чему хорошему не приводят. Любой из них может закончиться вполне прогнозируемыми неприятностями. Вот так могло случиться и сейчас.

Каждый раз, когда к вам кто-то обращается на улице, звонит по телефону или в дверь – ему что-то нужно от вас. Этот кто-то хочет что-то продать, что-то купить, оказать услугу или ее получить. Ему не интересно, кто вы, чем дышите, хороший ли вы человек, значение имеет ресурс – деньги, возможности, связи. Отвечая по домофону или на звонок с неизвестного номера, вы с вероятностью 90% впускаете в свою жизнь очередного афериста. Новый знакомый запросто может втянуть вас в мутную тему с кредитованием, биткоином, негосударственным пенсионным фондом или, честно и незаулачено ограбить!

Но вы все равно останавливаетесь, снимаете трубку, сами открываете им двери. Быть благонадежным гражданином стало важнее инстинкта самосохранения. А это значит – сдавать кровь, жертвовать нуждающимся, голосовать на выборах, ходить на митинги.

Так работает психика общественных животных. Из опасения обидеть отказом, пусть и случайного знакомого, они готовы претерпеть личный моральный и материальный убыток, а возможно рискнуть жизнью.

В то же время, мы перестали делиться вниманием с действительно близкими людьми. Перестали друг-другу звонить, чтобы просто поболтать, услышать в трубке знакомый голос и спросить: «Ты как, дружище?». Голос этот заменил скроллинг ленты в социальной сети с беспорядочным судорожным лайканием постановочных селфи вечером на сон грядущий.

Сотни селфи, тысячи селфи, отображающих благонадежного гражданина с претензией на оригинальность его усредненной пустой личности.

Попытки влиться в стадо я бросил лет пять назад. Особо не жалел. Наоборот – почувствовал себя гораздо лучше. Жизнь научила принимать ее такой, какой стала. А стала она, как пюре из брокколи. Нейтральной и безвкусной, зато рациональной, полезной, размеренной. Некое подобие счастья для сына человеческого.

И тут – на-тебе! Такие вещи выбивают из колеи.

Про себя я улыбнулся, но злорадства не было. Такое случается, когда с тобой происходит нечто неожиданное. Да при том не просто неожиданное, а из ряда вон выходящее. Повезло, да и только! Во-первых, не убиться самому. Во-вторых, стать свидетелем столь драматического происшествия.

Когда-то по телевизору я видел интервью с популярным психологом. Если человек выходит на карниз, для него это последняя отчаянная попытка сохранить жизнь. Он ждет, когда соберется толпа зевак, и кто-то, обладающий неатрофированными остатками сострадания и совести, попробует его отговорить.

Но внимание их несколько иного рода, нежели несчастный может подумать. Каждому из толпящейся внизу каши человеческих тел хочется смотреть, как упадет другой – не он сам.

Возможно, этот парень и не хотел такого внимания, но никого по-близости и не было. Не было и шансов. В то морозное утро снег лишь слегка припорошил улицу, и смягчить удара о тротуар, покрытый намерзшей ледяной коркой, он не мог.

Почему-то в той передаче никто не рассказал, как оказывать первую помощь, если самоубийца все же совершил прыжок. Для меня это было бы особенно актуально, ведь первую помощь оказывать я не умел.

– Что с ним? – прогремело из-за спины.

От неожиданности и испуга меня тряхнуло. Я обернулся.

За мной стояла женщина лет шестидесяти с двумя до верху набитыми едой бумажными пакетами из универмага.

Я с неприязнью оглядел ее с ног до головы. Она сразу вызвала во мне отторжение и острую неприязнь. Особенно из-за того, что я испугался. Из-за того, что заставила меня пережить это мерзкое чувство, будто я сделал что-то нехорошее, будто это я убил его, а она – бдительная гражданка, застала меня на месте преступления.

– Понятия не имею, – как можно сдержаннее ответил я.

– Молодой человек, так сделайте что-нибудь! – состроила она требовательную мину недовольной клиентки. Видимо, в своей голове она еще до конца не вышла из магазина, вернее магазин проследовал вместе с ней, вместе с ее брендованными бумажными пакетами.

– Что сделать-то? Я ж не хирург.

– Ну, молодой человек, ну что вы стоите?! Так же нельзя!

Таких называют «Возмущенная общественность». Чистоплюйки, вроде этой, только воду баламутят. А дойдет дело до ответственности, так сразу в кусты, в сторону, только бы не самой, не своими руками. Зато советы с глубокомысленным видом раздавать умеют.

Этим утром для полного счастья и мне и покойному не доставало как раз этой до омерзения настырной особы.

– Послушайте, немолодая женщина, – не на шутку завелся я, – ваша участливость здесь совсем неуместна. Она с праздностью граничит. Если ничего сделать не можете, идите, куда шли! А тут человек умер!

Участливость пропала, словно ее и не было. Пропал и навязчивый интерес.

– Ну и скотина! – бросила она то ли мне, то ли покойному и заковыляла со своими пакетами по улице дальше.

Выйдя из ступора, я полез в портфель за телефоном. Боясь излучения, я никогда не позволял себе носить трубку в пиджаке, возле сердца, и уж тем более – в кармане брюк.

– О такой фигне, дружище, ты уже не беспокоишься, – пробормотал я себе под нос, обращаясь к мертвецу.

Руки дрожали, чехол никак не хотел открываться, и, хотя не было смысла торопиться, я заметно нервничал. Но, прикоснувшись к металлу телефона, понял, что напрочь забыл пинкод.

– Приехали, – тяжело выдохнул я.

Тут аппарат заорал в моей руке. Вновь не пойми с чего перепугавшись, грязно выругавшись, я гадливо отбросил его в сторону.

Он поскакал от меня, как лягушка, играя в классики по квадратным плиткам мостовой. Пришлось подойти и нагнуться.

Пальто не пускало, и я расстегнул нижнюю пуговицу. Не помогло. Жар разлился по телу. Сердце намочивало возле горла. Пот противно стекал по укутанной вязаным шарфом шее.

На треснувшем экране высветился похмельный смайлик. Вовчик присылал мне его после наших обильных «ужинов», подтверждая, что не ушел в очередной запой. Он всегда переживает, мой старый друг, что если я переживаю за него.

Размышляя, о том, сколько будет стоить замена экрана, я вспомнил, что для экстренного вызова пин не нужен.

– Скорая, примите вызов. Улица Маркса 29. Человек упал с крыши.

– Он живой?

- Вроде, мертвый.
- Что значит вроде!? Живой или мертвый?
- Я откуда знаю? Я же не врач.
- Секунда молчания.
- Он не дышит? Ему больно?

Вопрос оператора поставил меня в тупик. Откуда-то я помнил, что трогать в таких случаях пострадавшего не рекомендуется.

Я вернулся к телу. Голова кружилась. Не стоило и думать, чтобы наклониться и пощупать пульс, иначе я рисковал улечься с несчастным рядом. Выдохнув, я осторожно ковырнул носком ботинка его живот.

Зрачки мертвеца сузились, и он заорал страшным криком. Я снова чуть не выронил аппарат.

– Живой вроде пока! Дышит, – сбиваясь прокричал я в трубку, – переломан только весь. Херово ему. Приезжайте скорее. Сами посмотрите.

- Ждите. Высылаю бригаду. Кто делает вызов? Вы его родственник? Сколько ему лет? Не в силах ответить более ни на один из дурацких вопросов я повесил трубку.

Воздух вышел, и крик затих. Из пробитых ребрами легких вырывалось сипение, кровь потекла изо рта на дорожную шелковую пижаму, смотрящуюся на нем так нелепо.

Я посмотрел вверх. Морозный воздух плотно надавил на лицо. Зеркальные окна высотки одно за другим зажигало пурпуром рассветное солнце. Снег перестал, но порывистый ветер то и дело сметал с деревьев, козырьков и крыш колючие и жесткие, как песок снежинки. Я зажмурился, растирая кулаком веки.

Никто же не станет гулять по карнизу в пижаме зимним утром, если только не живет на теплых островах? Возможно, он простоял несколько минут там наверху на этом холодном ветру в своей шелковой дорогой пижаме, но никто так и не пришел посмотреть на его падение.

Видел ли он меня перед прыжком?

Вовчик был изрядно пьян, рассказывая мне про своего однокурсника, развалившегося в беспамятстве на диване по-соседству. Душной компанией отмечали чей-то День Рождения. Праздник входил в завершающую стадию – драбадан.

- Он дважды резал себе вены!

Настало время крутейших баек, достоверность которых проверить невозможно, да и не заморочился бы никто, забыв к утру, о чем была речь.

Вовчик тянул ко мне свой широкий кулачище с зажатыми в нем сервизными ножами.

- Спрячь подальше.

Оглядевшись и удостоверившись, что парень спит, я сунул их под сиденье кресла.

– Знаешь, Владик, он такой человек! Такой человек! – повторял Вовчик. – Челове-ч-ще! Нужно обладать большой силой воли, чтобы лишиться себя жизни.

– Большого малодушия представить сложно, – возражал ему я. – Суицид – всегда бегство, трусость.

А Вовчик еще долго тряс перед носом назидательно поднятым пальцем, сквозь пьяный угар силясь что-то мне доказать.

А что бы сказал на это мой Прыгун? Забавно, но не будучи при жизни с ним знакомым, не будучи представленным, я наградил его этим странным именем. Да и какая была разница, как звали его при жизни, если с жизнью этой он решил порвать?

В том, что это самоубийство, не возникало сомнений. Он не кричал, когда летел вниз, не цеплялся за жизнь. Он хотел уйти. А я своим небрежным пинком потревожил его покой, продлив мучения.

Возможно, стоило пройти мимо, не вторгаясь в его последнюю приватность.

Тем более он не захотел бы мне рассказать о причинах своего отчаянного поступка. Так поступают, находясь на грани истинного отчаяния.

Это не имело ровным счетом никакого смысла. Легко рассуждать, когда для тебя все кончилось. Когда ты выпал из порочного потока. Но что если выход из одной реки – это вхождение в другую? Нет берега. Берега нет. На многие версты расстилается ледовитый океан серой тротуарной плитки, жесткой, холодной, несущей смерть.

Снег вокруг разбитой головы окрасился багряным нимбом. Стало тошно.

Почему он не упал на лицо? Он избавил бы меня от этого зрелища – созерцания покрытой кровавым румянцем сахарной кожи. Скоро она перестанет быть такой. Лицо оплывет и посинеет.

Карета подъехала минут через сорок.

– Сюда, – замахал я рукой, переминаясь на озябших ногах.

– Иваныч, со мной, – не поздоровавшись, хлопая дверью, крикнула хрупкая фельдшер водителю, – мы его не поднимем!

Ее напарница была немногим крепче. Разве что фигурой чуточку полней.

Зафиксировав шею воротником, троица ловко подсунула под тело брезент.

«Слаженно работают», – отметил я про себя. – «Видать, часты стали такие случаи в городе нашем».

Грузили уже мертвеца. Парень умер. Я почему-то был в этом уверен.

Как мало остается от человеческого тела, когда его покидает дух. Одна скорлупа, пустая оболочка, ткни ее пальцем, и она провалится, а на месте том зачернеет бездна.

Что оставил он после себя? Вот был человек, и нет его теперь. Кто вспомнит его? Ну явно не та тетка с пакетами, что жрать в три горла домой поспешила. Но не бойся, Прыгун, я тебя запомню. И вскоре помяну.

Снега выпало мало. Слишком мало снега. Нет бы, как раньше, как в моем детстве, сделать нормальную снежную зиму с сугробами в человеческий рост! Высокий пушистый сугроб спас бы его.

Но с тех пор на небесах что-то испортилось. Срок годности детства истек, стремительно портилась и жизнь.

Скорая уехала, а в подтаявшем снегу остались волглые лужицы крови и мочи. Кратковременное свидетельство того, что еще минут двадцать в этом теле теплилась жизнь.

Идти на работу не хотелось. Я вдруг понял, что не желаю провести еще один день среди одних и тех же надоевших лиц.

Они обступят, и придется объяснять, почему я опоздал.

Это так унижительно. Будто я школьник, которого следует поставить в угол, и все смотрят на него, качая с серьезнейшим видом головами. А я стараюсь притвориться, что хороший, что соответствую их ожиданиям.

Все это повторяется с небольшими вариациями день ото дня. Так такая уж ли большая разница, как мы это время проведем? Все это длительное натужное существование приводит к единственно возможному и одинаковому для всех итогу.

Прыгун же был свободен от всех земных тягот и тревог. От них он и сбежал. Не от здоровья же, любви и богатства?

Правда, сделал он это как-то неаккуратно. Без фантазии и куража. Я придумал бы что-нибудь пооригинальнее. Например подорвал себя гранатой у дверей головного отделения ФСБ. Или застрелился на глазах хорошенькой девушки. Тогда хоть кто-то бы задумался, почему я сделал это. Я представил себя лежащего возле учреждения. Теплая кровь из разорванного нутра струилась, сбегая вниз по ступеням. Боль, страшная боль жгла мое тело. А внутри язвительно шептали: «Какие девушки? Кому ты нужен, старый сатир!?»

Офис находился в здании напротив. Я подошел к обледевшим ступеням. Неуверенно взялся за приколоченные по одной стороне перилла. Рука моя предательски дрожала, а ноги подкашивались. Поднимаясь по крутой лестнице, насквозь вымокший и измотанный, уставший уже в начале рабочего дня, я поймал себя на том, что завидую Прыгуну.

2

– Владислав Геннадьевич, доброе утро!

Женечка пребывала в свойственном ей состоянию утреннего анабиоза. По офису разносился дурманный аромат свежесваренного кофе. Она еще не успела позавтракать и накрасить левый глаз. Прока от нее делу и так почти не было, а без того и подавно.

Он ничего не ответил, неопределенно, то ли кивнув, то ли помотав головой, толкнул дверь в кабинет, как был в одежде, прошел и сел за стол.

Свою трудовую обитель он делил с молодым питающим надежды высшего руководства Олегом.

Тот отличался владением хитроумными компьютерными программами, быстротой реакции и повышенными коммуникативными навыками, которые, по-его мнению, в критические моменты могли компенсировать недостаток знаний, профессионализма и уровня общечеловеческой культуры.

Владислав Геннадьевич относился к тому как к нелюбимому предмету мебели. Выбирал не сам, устанавливал не сам, глаз не радуется, но иногда полезна. Владислав Геннадьевич был не стар, но воспринимал себя как старожилу конторы, мамонта в собственной тайге. Да и на самом деле, в знании закона и искусстве обработки клиента потягаться с ним не вызвался бы никто.

Страхование жизни – занятие ответственное. Подобные контракты Жанна Владимировна доверяла исключительно ему. А Олег мог наблюдать за работой старшего товарища, набираясь бесценного опыта хоть до второго Пришествия.

– Владислав Геннадьевич, что с вами случилось? – опешила проследовавшая было за ним Женечка.

– Там человек разбился, – сухо ответил он.

Ее руки, державшие дымящуюся чашку дрогнули, плеснув немного кофе на светлый ковролин, на котором до того отпечатались следы его грязных ботинок.

– В смысле, разбился? – шепотом переспросила она.

– Как ваза или стакан? – в свойственной ему бесцеремонной дурашливой манере уточнил Олег.

– Можно сказать и так. Вдребезги. Не склеишь.

– У вас кровь на лице..., – Женечка начала закатывать глаза.

Но Олег подоспел, вовремя приняв горячую чашку у нее из рук, и флигельно обхватив девушку за талию. Он стоял довольный, прихлебывая свободной рукой кофе и с любопытством пялился на Владислава Геннадьевича.

Чертыхнувшись, тот бросил портфель на пол и отправился отмываться в туалет.

За годы работы в конторе отношения с уборной комнатой сложились у него по-мужски доверительные. То была его крепость и его правила. Здесь он был неуязвим и ни для кого не досягаем, предпочитая мочиться в строго определенный писсуар. А серый кафель, запах антисептика и жидкого мыла оказывали почти терапевтический эффект, помогая собраться с мыслями.

Тяжко вздохнув, он оперся о край раковины. Теперь нужно было выдержать дуэль со своим вторым «Я». Делать это следовало быстрее, чтобы не успеть передумать и не испугаться. И он поднял взгляд.

Из зеркала смотрел худощавого нервического сложения человек с обширной лысиной. У него все не получалось к ней привыкнуть. Бескрайняя, как очередное поле проигранного боя, она напоминала ему о приближающейся старости, немощи и, не дай боже, импотенции. Лицо и высокий лоб покрывала заметная багряная сыпь, как будто маленькая дочка баловалась краской. Она старательно промакивала кисточку о краешек стакана, наполненного водой, и с нее летели брызги не отмывшейся как следует краски. Такие следы и оставляла эта краска на его руках, футболках, иногда и лице.

Хорошо, что он не одел очки. Припарковав машину на стоянке, предусмотрительно спрятав их в футляр. Терпеть невозможно, когда после утреннего холодка они запотевают.

Подниматься в офис приходилось вслепую. Выглядел он при этом действительно покурачки. Выставив в сторону правую руку, стремясь нащупать перилла, он ступал ногой на первую ступень, неуверенно пробуя ее на устойчивость, словно ему предстояла переправа через покрытое льдом озеро. Он снова вспомнил бескрайнее море смертоносной серой плитки, и его чуть не стошнило.

Отдышавшись, тщательно умывшись, Владислав Геннадьевич посмотрел на изгвазданные в крови и грязи ботинки. Зарывав, он остервенело рвал бумажные полотенца из дозатора. И только когда влажные розовые обрывки легли в корзину, полегчало.

В очередной раз брезгливо поправив узел галстука, он вернулся в кабинет.

Олег торчал у окна.

– Это он оттуда сиганул?

Владислав Геннадьевич достал из портфеля очки и посмотрел через дорогу. Одно из окон соседней многоэтажки и впрямь было распахнуто. Ослепленный утренним солнцем, он не заметил его снизу.

– Интересно, он был застрахован? Если да, то кто-то влетел на немаленькую сумму – продолжал дурную тему Олег.

Владислав Геннадьевич с любопытством разглядывал с верхотуры восьмого этажа место происшествия.

Внизу курил появившийся со значительным опозданием участковый.

– Ты понимаешь, почему ты сидишь там, где сидишь?

– На подоконнике? – недоуменно улыбнулся Олег, почесав кудрявую шевелюру.

– В экзистенциальном смысле. Олежек, дорогой, поднапрягись!

– Я подумаю над этим, – сделав вид, что не заметил издевки, сунув руки в карманы брюк, он деловито прошелся по кабинету и вернулся за монитор.

Можно было сказать, что-то язвительное в ответ, да вот беда, Владислав Геннадьевич обладал таким свойством, что вступая с ним в полемику, Олег всякий раз терял способность стройно изъясняться и конструктивно мыслить. В голову ничего не приходило, оставалось слушать надоедливые наставления, преподносящиеся как истина в последней инстанции.

– Вот подумай, на минутку, парень этот, что пять минут назад на глазах моих кончился, он хотел умереть? – Владислава Геннадьевича было не остановить.

– Вы так считаете?

– А ты хочешь умереть?

– Вы когда так говорите, мне и впрямь сдохнуть хочется. Может вам выходной взять? Стресс все-таки...

– Благодарю за заботу, но я как-нибудь сам. А ты пока подумай как следует, кем он был? Кто его родные? Была ли у него семья, или старая полуслепая мать, о которой некому, кроме него позаботиться?

– Но его же никто не заставлял прыгать? То есть, я не уточняю. Однако раз вы так считаете, будем от этого отталкиваться.

– А мы этого не знаем. Но ты очень точно сказал: «Отталкиваться». Вот он от подоконника и оттолкнулся.

– Пускай. Значит обстоятельства сложились не в его пользу.

– Как легко чью-то вину спихнуть на обстоятельства. Обычно так и поступают. Вроде никто не виноват, все чистенькие, а человека нет.

– Думаю, милиция это выяснит.

Внизу и в самом деле квакнула сирена. Из подъехавшей машины вышли трое. У одного в руках был фотоаппарат, у другого чемоданчик. Еще один спешно направился к подъезду многоэтажки.

– Вас теперь затаскают.

– Не иначе, – хоть в чем-то Владислав Геннадьевич мог с ним согласиться. Согласен он был и еще в одном аспекте.

– Ты правильно сказал. Вдребезги. Прыгун разбился вдребезги. Человек – это ваза. Ваза сама по себе не разбивается. Всегда есть тот, кто разбил вазу. Будь то другой взрослый человек, ребенок или кошка.

Волохнов вошел без стука.

– Привет, ударникам капиталистического труда!

– И тебе не хворать, – в той же манере откликнулся Олег.

Владислав Геннадьевич не ответил ничего. Он не попадал им в тон, да особо и не старался. Молодая половина коллектива была на своей волне, заряжена на неотвратимый успех на пути к благосостоянию. Отчасти он понимал, что неприязнь его складывается из собственных воспоминаний о молодости, когда он был таким же жадным до действия и суетливых не всегда уместных инициатив.

– Подпишите акт?

– Ну что там? Давай, – привычное рабочее сосредоточение казалось, вот-вот вернется к Владиславу Геннадьевичу.

Пробежав глазами хитроумно составленный документ, он перечитал его трижды.

– Да там и так все понятно, – перебил его размышления Волохнов. – Бездельникам у нас не место. Увольнять будем по статье, если упираться станет!

Он был полон самоуверенной наглой решимости. В бумагах речь шла о молодой сотруднице, недавно счастливо устроившей свою личную жизнь. Не отошедшая от истомы проведенного на курорте медового месяца, она несколько раз опоздала на работу.

– Вот я смотрю на вас и думаю, – выдержав мучительную для Волохнова паузу, сказал Владислав Геннадьевич, – вот вы – заместитель руководителя, нашей драгоценной Жанны Владимировны, а такой недалёковидный. Если мы всех разгоним, с кем работать-то будем?

– Так я как раз все риски оценил. Ну как она в декрет уйдет?

– Да с чего же вы это взяли?

– Она мне еще спасибо за это скажет, что по собственному напишет.

Он чуть не потирал руки.

– Считать женские циклы, друг мой, это уж чересчур как-то, даже для такого заботливого зама, как вы.

Волохнов не любил общаться с Владиславом Геннадьевичем лично. Но поскольку тот пользовался особым расположением Жанны Владимировны, вызывать его к себе он не решался. А когда приходил с бумагами сам, всякий раз складывалось ощущение, что он побитрается, выпрашивая нужную подпись. Он открыл было рот, чтобы возразить, но тут под потолком щелкнуло и сверху из встроенного в потолок динамика раздался голос Женечки:

– Владислав Геннадьевич, к вам из милиции пришли.

– Так-с, – хлопнув руками по подлокотникам кресла, Владислав Геннадьевич застегнул верхнюю пуговицу пиджака и двинулся на выход.

– Так вы подпишите?

– Я скоро вернусь, – кивнул он на Олега, предлагая тому сделать мерзкий выбор.

У стойки в фойе ожидал невысокий мужчина в потертой кожанке. На вид лет сорока пяти.

– Прошу, – пригласил его Владислав Геннадьевич в переговорную.

Мягкие кресла и приглушенный свет создавали обманчивое впечатление защищенности. Тихо играла расслабляющая музыка. Помещение это промеж себя конторские называли давилкой. Здесь дожимали клиентов.

– Майор Зуев, – представился следователь, и сразу взял быка за рога. – В какое время вы обнаружили погибшего?

Владислав Геннадьевич зажмурился, сложил ладони домиком и, защищаясь от пристального взгляда, закрыл ими рот и нос. Уж лучше было остаться с Волохновым. Сбежав от одного кошмара, он возвращался в предыдущий. По долгу службы ему неоднократно приходилось общаться с представителями власти, переживая каждый раз чувство то самое мерзкое чувство фантомной вины, но он был настроен дать отпор.

– Погибшим он тогда не был.

В ответ прозвучало властное:

– Вспомните!

– Было около восьми. Я на работу шел.

– Вы были знакомы?

Зуев задавал те же дурацкие вопросы, что и оператор скорой. Владислав Геннадьевич нервно выдохнул.

– Кем он был? – задал он встречный вопрос.

– Это не имеет отношения к нашему разговору.

– Если бы не имело отношения, целого майора не прислали бы.

Теперь тяжело вздохнуть настал черед Зуева.

– Вам-то какая разница?

Мужчина демонстративно теребил в руках пачку сигарет. Он явно испытывал дискомфорт от невозможности закурить, и ожидал приглашения.

Облегчать ему жизнь Владислав Геннадьевич не собирался.

– Что значит, какая разница? Я стал свидетелем смерти. Он и меня чуть не убил. Так кто он?

– Гражданин, давайте я буду определять, свидетелем вы по делу будете проходить или в другом качестве? Поэтому еще раз вежливо спрашиваю, вы были знакомы с покойным?

– Нет. Я его не знал. И до этого никогда не видел.

– Вы заметили что-то необыкновенное поблизости?

– В некотором смысле необыкновенным было все. Такого со мной еще не приключалось.

– Я имею в виду, может он что-то произнес, или кто-то в этот момент был рядом?

– Нет, он не представился. Он просто умер у меня на глазах. А я ничего толком и не сделал. А еще там была женщина.

– Какая женщина? – насторожился Зуев.

– Обычная дама предпенсионного возраста. Довольная своей жизнью, с претензией на порядочность и активную гражданскую позицию. В общем, не блещущая умом.

– Она представилась.

– Ну что вы?! Это выше ее достоинства. Такие, как правило, обращаются к прохожим исключительно по половому признаку.

– И куда она делась?

– Ушла, конечно же.

Владислав Геннадьевич поджал губы. Лицо женщины с магазинными пакетами всплыло в его памяти. Ему стало жаль. Жаль эту недалекую женщину, жаль стареющего себя. Не известно

в каком состоянии он будет пребывать в ее возрасте. Жаль недалекого следователя, чье дело выглядело совершенно безнадежным. Жаль Прыгуна.

Зуев же внимательно следил за метаморфозами его настроения. Почувствовав себя хозяином положения, он с легкостью разорвал пластиковую упаковку, достал сигарету, сунул в рот и начал рыться в карманах в поисках зажигалки.

– У нас не курят, – моментально пришел в себя Владислав Геннадьевич.

– Что ж, мы с вами еще встретимся, там, где курят, – мечтательно произнес следователь, прибавив. – Женщину мы найдем. Там есть камеры. Если повезет, увидим и момент падения. Узнаем, было ли это самоубийством.

– То есть вы хотите установить, что человек погиб сам собой?

– Мы хотим установить истину. В его возрасте сами собой люди редко умирают, хотя случается и такое. В любом случае мы вас вызовем. И, будьте добры, не выключайте мобильный телефон и не уезжайте из города ближайшие пару недель. Не хотелось бы вас разыскивать, и без того мороки хватает.

– Так кем он был? – повторил вопрос Владислав Геннадьевич.

– Думаете, это хоть что-то значит? Для меня важно понять, не помогли ли ему.

Кивнув на прощание, следователь поспешил курить на воздух, а Владислав Геннадьевич вернулся к себе. Волохнова, решившего свой мразный вопрос с Олегом, он не застал, чему очень и очень обрадовался. Олег же присмирел и нелепых вопросов более не задавал, погрузившись в обработку текущей документации.

Вообще с того дня, и Жанна Владимировна, и все сотрудники, стали относиться к Владиславу Геннадьевичу предупредительно и бережно, словно это он только что потерял родственника или сам стоял на краю крыши, но вовремя передумал и был спасен бдительным прохожим. Иногда, присмотревшись к нему, коллеги замечали травмирующие перемены на его интеллигентном лице, а Женечка рассказывала, что слышала, как набирая воду у кулера, Владислав Геннадьевич бормотал себе под нос: «Как ваза... как ваза...»

3

– Он старается, – говорю я себе. Точнее про себя, чтобы не разбудить его, спящего рядом. Намаялся бедняга.

– Да, он старается, – каждый раз убеждаю я себя, чувствуя внутри теплоту его семени.

Он старается, я стараюсь, все стараются. Все хорошие, все молодцы, и никто не виноват. А зачать мы не можем лет шесть уже как.

Ему-то хорошо. Он отдыхает, обкумаренный дофамином. А я, как дура, лежу, задрав ноги вверх.

Говорите, что хотите, но это унизительно сорокалетней женщине – вот так лежать, ногами кверху.

Сам процесс удовольствия не приносит давно. Результата нет и не будет. Я поставила не на того жеребца. Скорее жеребец оказался кобылой.

Конем с женоподобными чертами. Нет не в облике. Моего красавца-мустанга хотела бы зауздать любая. Дело в характере. Слишком мягок мой Костя, слишком нерешителен. И мягкотелость эта проявляется во всех вопросах, которых он касается. Ни с ЖЭКом договориться, ни соседей шумных на место поставить – ни на что не пригоден. С собакой, правда, гуляет. Со своей собакой. Так что собака не в счет.

Даже зарабатываю я больше. А он, представьте себе, по этому поводу вообще не комплексует. Говорит, что любит меня, и что менять нам ничего не нужно.

Что же с того? Я тоже люблю себя. Но это не значит, что мы должны навсегда поменяться ролями? Как сейчас представляю себе, как я склоняю его, исподволь нашептывая, убеждая

совершить хоть-какую вялую попытку быть мужиком, и тут же получу увесистый контраргумент в ответ: «У нас современная семья, здоровые отношения, чего тебе еще надо?»

Зато на работе его уважают. На работе Костя в почёте. Костя в почёте работает на почте. Он руководит отделом, в котором работают одни женщины. И они готовы носить его на руках, ни на секунду не сомневаясь в его мужских качествах.

Но, все же, он пока не брезгает моим телом. С каждым годом женщине все труднее продавать свое тело собственному мужу. В женщине должна быть тайна. А какая интрига кроется промеж двоих, у которых было все, на что способна была их фантазия и низкий моральный ограничитель?

Нам хорошо вместе. С другим так не будет.

Хорошо тебе? Хорошо лежать вверх ногами, пока до боли не затечет поясница?

– Ты же не хочешь быть тупой наседкой?

– А вот если хочу?

Я опротивела себе.

Спать расхотелось.

Я вылезла из кровати и поплелась в кабинет.

Да. Вот так. В этой семье рабочий кабинет принадлежит мне. Костик же довольствуется планшетиком для просмотра сериалов на диванчике. У меня же стоит полноценный компьютер.

Я авторизовалась. Из почтовой программы на меня выпрыгнул добрый десяток горлающих рекламодателей, пяток приглашений на ток-шоу местного разлива, два предложения посотрудничать на ниве благотворительности.

Действительно бескорыстных людей, желающих пожертвовать толику нажитых богатств тем, кому в этой жизни повезло меньше, почти не осталось. Зато стремящихся прославиться за чужой счет было хоть отбавляй.

Одна из папок с надписью «Крик о помощи» фильтровалась специально. На ней стоял красный кружок с цифрой 49.

Сорок девять. И это за два с половиной часа. То есть, пока я покинула фонд, преодолела за рулем дистанцию до стоянки, в спешке занялась сексом с уставшим мужем, за помощью обратилось 49 человек. И это те, что смогли до нас дотянуться через интернет.

Может показаться забавным, хотя ничего смешного в том, что до сих пор значительный процент населения не имеет стабильного доступа в сеть, вовсе нет. Чего только не пришлось повидать. Жертвы группового насилия, темные алкаши, рожающие ВИЧ-инфицированные, сбежавшие из дома дети, дезориентированные старики, молодые с деменцией, безнадежно больные – брошенные никому не нужные люди.

К счастью, в нашей великой и богатой стране находятся те, кто не считает зазорным протянуть руку помощи. Это Роман сломал во мне кичливую гордость, научив принимать подавание в независимости от личности благотворителя.

А в благотворители записываются люди очень разные. Как-то раз, столетняя старушка привезла на тележке двенадцать пар обуви.

Ее изрезанное жизнью лицо было полно решимости. Она смотрела на меня из под заснеженного пушистого берета невидящим взглядом помутневших глаз. Ни один из врачей оперировать катаракту возрастной пациентке не осмелился.

Она вывалила прямо на пол потрескавшиеся лаковые балетки, резиновые тапочки, стоптанные зимние сапоги с изъеденным молью мехом. В нос ударил пряный запах нафталина с апельсиновой коркой.

– Мне все-равно ни к чему. Детишки, может, в пансионате поносят, – прошамкала она беззубым ртом.

И куда все это девать?

А Роман придумал. Запустили проект по сбору старой обуви – стали делать мягкие покрытия для детских и спортивных площадок.

– Любому проявлению доброты человеческой можно найти применение, – учил он, и я ему верила.

– Не мешай человеку делать добро. В первую очередь, это ему необходимо, – уговаривал он меня, когда в фонд обратился желающий получить общественное одобрение олигарх.

Попадались люди с сомнительной репутацией, а то и совсем бандиты.

Со временем, я научилась дистанцироваться от их мотиваций. Это их грехи, им их замазывать. Человеку же бывает не под силу искупить свои. Чего уж говорить о том, чтобы взять на себя чужие?

Красный кружок с числом 49 не хотел гаснуть.

Все во мне противилось открывать эту папку.

В такие моменты я себя ненавидела.

Сева бы поддержал. А вот Стас, точно, дал бы нагоняй. А что Владик?

Владик бы меня понял.

Понимание, вот чего не хватает человеку, приближающемуся к середине своего жизненного пути.

Мысль эта последние пару лет посещает меня все чаще и чаще. Каждый раз я ругаюсь на нее и гоню прочь, потом ругаюсь за малодушие на себя и гоню себя же на работу. Вряд ли кто-нибудь из коллег разделит бы мой энтузиазм пол-двенадцатого ночи. И вовсе не потому, что со мной работают черствые неотзывчивые люди, а потому, что всему свое время. Этим поздним вечером настало время отдыха и сна.

Когда он был последний раз, этот отдых?

Пять лет назад мы выезжали в Анталию. Я умудрилась-таки вляпаться в медузу, и Костик нес меня на руках в номер.

Был еще один момент – Новый Год в Вене. Эстетно, дорого-богато.

Но там не было так хорошо, как в Турции. А в Турции было незабываемо. Сердце говорило, он любил меня. Тогда. Не знаю, как там сейчас, но тогда определенно было незабываемо, раз я вспоминаю о тех днях, думая о счастливых моментах моей жизни в первую очередь.

Собравшись с духом и открыв текстовый редактор, я набрала:

«Дорогие коллеги!»

И тут же стерла. Ну какие мы теперь коллеги?

«Дорогие друзья»

Так подходит лучше. Хотя какие мы друзья? Друзья – это люди, любящие, уважающие друг друга, разделяющие общие ценности, общающиеся семьями.

И все же, так будет правильнее. Напомнить о себе тепло и ненавязчиво. Ведь никто не обязывает принимать это скромное приглашение. Этот тактичный намек, что пора бы встретиться лично. Нет, не для новых проектов и совместных побед, плоды которых мы пожинали вперемишку с тяжкими поражениями в годы нашей беспокойной юности. В годы становления. А чтобы узнать как их дела, как сложилась их жизнь. Сказать и послушать, а потом рассказать о себе, никого не таясь, не опасаясь осуждения или нудной нотации.

Не знаю входит ли в современное понятие дружбы личное общение. Не переписка в мессенджерах, в ожидании одобряюще-благодарного смайлика, а живая встреча.

Не почтой, вернее не бездушным электронным сигналом с приторным приветствием. Бумагой. Только бумагой. В плотном конверте и с маркой.

Бумажный конверт? Я сошла с ума.

Но тем не менее, достала из выдвижного ящика стола ключ, поднялась из кресла и подошла к шкафу с книгами. Рядом с томиками Великих соседствовали и мои тетради и записные книжки.

В один из критических моментов, когда мне казалось, что жизнь кончена и земля вот-вот уйдет из под ног, один знакомый психиатр насильно заставил излить меня свои перверсии на бумагу.

И получалось неплохо. На серьезную книгу не хватило, но на блог непонятого подростка потянуло бы вполне. Если не учитывать, что подобный подростковый бред писала взрослая женщина.

Найдя правильный блокнот, я отыскала их адреса. Нужные страницы открывались сами собой. Словно я часто их отлистывала.

Мы не говорили много лет. Они могут меня и не вспомнить. Да к чему я лукавлю? Того времени никто из нас не сможет позабыть. И они не виноваты, что не звонят и не пишут мне, а, и черт с ним, не подмигивают в Facebook!

Они тоже где-то стараются. Костик старается, я стараюсь, все стараются. Все хорошие, все молодцы, и никто не виноват. Но так не бывает.

Красный кружок с числом 49 светил молчаливым укором.

1

В тот день, с которого начался весь последующий кошмар, я сидел дома.

Месяц дерготни в отделение милиции сделают из любого здорового и ни в чем неповинного гражданина хронического ипохондрика, начинающего сомневаться в своей благонадежности.

То днем, то вечером, я получал звонки от следователя. Далее, чем произнесся «здравствуйте», общаться по телефону он не желал, предпочитая личный контакт. Выбора не было. Дважды мне прозрачно намекнули на официальный вызов повесткой. Приходилось либо отпрашиваться, либо встречаться с Зуевым после работы.

Всякий раз он встречал меня одинаково. В прокуренном кабинете, сидя за лупоглазым аквариумом-монитором, лениво вбивал по букве мои показания в протокол. Вопросы его имели характер от дела весьма отвлеченный. Когда он их мне задавал, взгляд его устремлялся куда-то в сторону, за мое плечо, и тонул где-то под потолком в клубах едкого сигаретного дыма.

Сложно вообразить, как он сам обитал в этой отравленной атмосфере. Но я никогда не просил его открыть форточку, зная, что это будет проявлением моей слабости, последним жестом отчаяния. Он поймет, что победил, пойдет и возьмет меня. Он изучал меня, как вошь под микроскопом, вонзал хорошо отточенные иглы своих вопросов, прикидывая: «А как тебе вот это? Дергаешься? А посучи еще ножками!»

После некоторых бесед у меня возникло впечатление, что эти молодчики запросто могут разрабатывать меня, как главного подозреваемого в деле Прыгуна.

Прыгун. Освободившийся грешник. Самоубийца не пускают в рай. Во всяком случае, он был свободен от выяснений причин, нудных объяснений и утомительных разбирательств в казематах отделения милиции.

Зуев же пытался доказать, что Прыгун – мученик. В конце концов, это начало меня подбешивать. В одну из наших бесед, я совершил дерзкий выпад, которого и сам от себя не ожидал. Я вскочил со стула. Зуев прынул назад, рука дернулась к кобуре, но он успел вовремя остановиться.

Мы застыли на какое-то мгновение в странном оцепенении, и в тот момент я прочел в его глазах страх.

– Да что, вы, носитесь с богатеem этим зажавшимся! Других проблем у города мало?

В побагровевшем лице его, являвшем собой до того образец скупой на эмоции и краски нейтральности, как на фотобумаге проявились смущение и стыд. Смущение от того, что я увидел его вне строго выдержанного и старательно созданного для меня образа. Стыд, что излишне нервно, для опытного оперативника, среагировал, на мой выпад.

Следующий допрос пришлось перенести. А на очередной я не явился. Отныне я стал задерживаться на работе чаще. Игнорировал звонки. Звонил он реже и реже. Дополнительных доказательств, что Зуев проиграл в нашем поединке приводить не требовалось. Я ощущал практически физическое удовлетворение, от того, что каждый раз снимая трубку, он вынужден мне кланяться, роняя свой авторитет.

Но зацепиться было не за что, иначе расторопный наряд давно доставил бы меня к нему в наручниках, где меня кололи бы до победного.

Вскоре мысли о Прыгуне оставили меня, я вновь обрел зыбкое равновесие, в котором пребывал большую часть взрослой сознательной жизни, которое я и определил для себе как жизнь, как единственно возможный для меня способ существования.

Как всегда, я сделал все сам. Сам диагностировал свое состояние, сам, как Барон Мюнхгаузен, тянул себя за уши, за неимением косы, из черного болота депрессии. Коллеги в офисе шушукались по углам. Стоило же мне подойти ближе, они затихали, обращая ко мне якобы понимающие сочувственные, но не искренние взоры. Я понял – они тоже подозревали меня. Всему виною было затянувшееся следствие, оно автоматически вешало на свидетеля ярлык неблагополучности.

Кроме того, мне пришлось посвятить в подробности трагического происшествия мою любопытную жену. Поначалу я не хотел этого делать. Но явившись тем злополучным вечером домой совершенно разбитым, сам спровоцировал откровенный разговор.

К тому же, она заметила на воротнике сорочки кровь. Разразившаяся сцена ревности была сколь страшна, столь бессмысленна и обиденна, как для меня, так и для наших много-страдальных соседей.

В таком состоянии бесполезно хоть что-то объяснять. Ровно столько же шума было бы, будь это кетчуп или горчица. Она изобретет тысячу причин, почему пятно оказалось на моем воротнике в этот неподходящий момент.

Я представлялся себе розовым уставшим сопревшим в микроволновой печи хот-догом, обмотанным в тесто строгого костюма. Галстук душит несчастную сосиску. Лицо мое измазано острым соусом. От меня безбожно разит луком.

А она ест меня своими белоснежными крупными передними зубами.

Брак наш напоминал неудачно забронированный отель. На картинках в рекламном буклете было все красиво, а как прилетели на место – то розеток не хватает в номере, то полотенец, то бумаги туалетной, а сан-узел и вовсе вымыт плохо. Да и вид с узкого балкона совсем не тот, что обещал сладкоголосый проповедник турфирмы. Думаю, схожий диссонанс переживала и она.

Со временем мы, как два ученых, независимо друг от друга вывели формулу весьма условного, но относительно безболезненного сосуществования, состоящую из множества случайных переменных жизненных перипетий и всего из одной константы – терпения.

В этот раз пришлось потерпеть мне, и вскоре она затихла, успокоилась.

Одна Жанна Владимировна не могла равнодушно наблюдать за моими мучениями и поощрила меня тремя днями отгула, в первый из которых я и впрямь приболел.

Так всегда – стоит расслабиться, и простуда – вот она. Валит внезапно и наверняка.

Первый день я провалялся в лежку. Масенька, на радостях, что папка дома, пока я спал на диване, заботливо возвела надо мною защитный шалаш. Притом сделала это так искусно, что сквозь откинутый полог махровой простыни был отлично виден телевизор с мультиками.

Сквозь запекшиеся от жара глаза и заложенные уши до меня долетали обрывки «Веселых мелодий». Удивленный, что по каналу для самых маленьких крутят такое ретро, я благополучно провалился в целительный и необходимый изнуренному организму сон.

После дня второго – назначенного дочкой днем охоты, и набегов Команчей на припасы грязных бледнолицых, спрятанные в сейфе-холодильнике, я окончательно поправился и к концу третьего дня чувствовал себя вполне сносно. Впереди ожидалась суббота с воскресеньем. Жанна Владимировна была истинным чудом, правильно подгадав мой незапланированный отпуск. Я вновь любил свою работу.

Хлопнула входная дверь

– Ну как вы тут? – Яна бросила ключи на тумбочку.

– Мам, привет! – Масенька с криком бросилась к ней.

Они закружились в танце, и я разглядел в поднятых над головой руках супруги странный конверт.

– Пляши с нами, – дразнила она, – тебе письмо.

Решив поддержать такое редкое настроение, я сграбастал обеих в охапку и заскакал с ними вместе. Повалив обеих на разбросанные по полу диванные подушки, письмо удалось отобрать.

Вот скажите, когда последний раз вы получали письмо? Не уведомление от налоговой, микрофинансовой организации или газовиков, написанное не повелительно гавкающим, а внятным человеческим языком?

Нестандартный конверт из плотной темно-серой бумаги приятной тяжестью лежал на моих ладонях. По вертикали его пересекали две серебристые полосы. В прозрачном окошке значилась моя фамилия и адрес.

Усевшись возле ночника с чашкой теплого какао, я вооружился ножом для бумаги. Позолоченное лезвие с массивной деревянной ручкой не было наточено. Подаренный на позапрошлый День Рождения классический канцелярский набор, я держал дома. Два года он пылился на моем столе в ожидании. Наконец, я мог применить его по назначению.

Такую качественную бумагу резать жалко. Но любопытство победило.

Разворачивая вложенный белый лист, я ожидал, что меня поздравят с выигрышем крупной суммы, автомобиля или путевки на Мальдивы, с очередным «заманчивым» рекламным предложением.

Письмо начиналось с подозрительного и весьма личного обращения: «Дорогие друзья».

Не читая дальше, я сразу посмотрел на подпись.

Вице-президент БФ «Паритет» Л.Н. Маргасова. От удивления, я бы не отказался присесть, даром, что сидел в мягком кресле.

Следующий текст я читал с волнительным вниманием, руки мои подрагивали:

Дорогие друзья!

15 лет назад, мы с Вами дали начало небольшой и тогда еще никому не известной фирме. То были незабываемые дни нашей молодости, дерзновенных стремлений, духовного единения. И хотя судьба развела нас, разбросала по жизни, я никогда не забывала ни об одном из Вас.

Сегодня многое изменилось. Нет маленькой фирмы. Нет и той юной наивной девушки.

Предприятие наше выросло в один из крупнейших благотворительных фондов страны.

18 декабря 2010 года в 18:30, в канун года наступающего, я решила собрать всех дорогих мне людей на небольшую ностальгическую встречу. Никаких пышных вечеринок в банкетном зале – сугубо дружеские посиделки в нашем первом офисе.

А вы помните, где он находился? Этого невозможно забыть, но все же напомним: Бумажный переулок, 2 б.

Люди, стоявшие у истоков такого большого дела, не должны быть забыты. А вы со мной согласны?

2

Воздух в переулке узнаваемо загустевал и, несмотря на легкий морозец, духота сдавливала горло.

Сюда и раньше-то никто не совался. Клиентам всегда приходилось объяснять, где находится офис. Редко сюда мог забрести заплутавший турист, либо хорошо знающий город местный житель, срезающий дорогу по пути к Перспективному проспекту. Владислав Геннадьевич устало зевнул. Не сказать, что его обрадовало приглашение, но определенный мандраж присутствовал.

Волновали всего два вопроса: «Что стало с остальными?» и «Что можно им о себе рассказать, а чего не стоит?»

Расстегивая на ходу пальто, он вялым шагом, пересек дорогу и взойдя на крыльцо, резко открыл дверь. Изнутри пахло теплом и едой. Алкоголь в букете присутствовал тоже, но не явно. Он не был открыт. Спиртягой не несло, но предвкушение праздника и долгожданной встречи само собой заставляло пританцовывать в ожидании грядущего возлияния.

Приемная пустовала, обрывки веселых голосов вперемешку с музыкой доносились из соседнего кабинета.

Владислав Геннадьевич пошел на шум.

– О-о-о! – на один голос загудели Сева и Стас.

– Здорово, мужчины! – поприветствовал он, раскрывая объятия, в которые, издав неимоверный писк, прыгнула Маргасова.

Осыпая очередью поцелуев его лицо, она намеренно дважды промазала, коснувшись его губ. Он ощутил сладкий вкус ее помады, почувствовал себя возбуждено и неловко. Поняв, что выглядит по-дурацки, широко улыбнулся и помахал веселому собранию свободной рукой, другой по-прежнему обнимая Людмилу Николаевну за талию.

– Ты смотри, какой стал! – прицокнул Никита. – Герой-любовник!

Грянул смех.

– Людмила Николаевна, не переусердствуйте. Он женат. Ему такие приключения теперь не по силам, – поддержал Тимур.

– И ты здесь? – воззрился на него Владислав Геннадьевич.

– И я, – подтвердил тот.

Из всей их бывшей компании Владислав Геннадьевич более всего был наслышан о Тимуре, чей бизнес шел в гору, вынуждая того периодически мелькать на страницах местных газет и новостных сайтов.

– Такой, как и был. Султан из сказки! Шикарно выглядишь. Седина тебе идет.

– Зато ты переменился. Смотри, вон, какое брюхо отрастил!

– Это не брюхо, – парировал Владислав Геннадьевич, – а подушка безопасности.

– Стас, проверим на краш-тесте, – предложил Сева.

– А что? Стул есть!

В глазах обоих заплясали вредливые огоньки, как у переростков-восьмиклассников. Страшно было предположить, какой краш-тест возможен для офисного кресла на колесиках с привязанной к нему жертвой.

Владислав Геннадьевич огляделся. Он не был здесь 15 лет. Даже странно, насколько все осталось прежним. В конторе всегда не хватало места. Заместители по-прежнему сидели в одном кабинете. Их рабочие столы стояли на своих местах возле тяжелых сейфов на колесиках. Пластмасса телефонов пожелтела от времени, но аппараты так и не заменили. В комнате

пахло старым линолеумом. Было здесь тесно и жарко, как и тогда. Но теснота эта отчего-то не казалась ему противной.

Офис они выкупили за бесценок у какого-то обанкротившегося хмыря, которому тот в свою очередь достался от советской жилконторы. Что, в принципе, по тем временам было довольно обыденно – каждый день кто-то разорялся. Не самый плохой выход – вывести заранее нал, лечь на дно, лучше где-нибудь в Швейцарии. Мечты-мечты. Правда, большинство архитекторов подобных схем до Альпийских гор так и не долетали. Утка осенью в большой цене.

Решатели проблем, представлявшие очередную бригаду, стреляли прямо на взлете, и жирные коммерсанты в своих малиновых пиджаках падали перезревшими томатами, украшая брызгами талантливых мозгов асфальт возле офисов, ресторанов, рынков. Еще одно популярное место, полюбившиеся репортерам и частенько звучавшее в новостях называлось «возле собственного подъезда». Мило, по-домашнему, не потревожив соседей.

– Ну что же, мальчики, раз все в сборе, я приглашаю вас к столу! – объявила Маргасова, приоткрывая дверь в приемную генерального.

«Мальчики» одобряюще загудели и ломанулись следом.

Главная перестановка состоялась именно здесь. Приставка-стол для совещаний была отодвинута в сторону, а центральное место занял директорский авианосец, устеленный газетами и заставленный одноразовой посудой. Шпроты в масле с дольками лимона, балык, красная икра, нарезка копченой колбасы, да пара салатов – закуска нехитрая.

Громко ударив в ладоши, Сева произнес:

– Вот это роскошь!

Расселись по местам. Во главу стола в начальственное кресло усадили саму Маргасову.

Хлопнула бутылка российского шампанского.

– Ох и плохо же нам будет после этой кислятины, – занял Никита.

– И что мы забыли в этом клоповнике?

– Так, цыц всем, дайте девушке сказать, – демонстративно обратил свой взор на хозяйку торжества Стас.

Еще не хмельная, но уже раскрасневшаяся, откашлявшись, торжественным тоном она произнесла:

– Дорогие мои, я собрала вас там, откуда мы начали, где мы с вами познакомились. С этим местом у меня, а я надеюсь и у вас, связано множество теплых воспоминаний о том, как несколько молодых и предприимчивых выпускников финансового факультета бросили, не побоюсь этого слова, вызов жестокой и несправедливой судьбе.

Владислав Геннадьевич посмотрел на нее, стоявшую перед ними с фужером в подрагивавшей руке, одетую в броский брючный костюм, волнующуюся, и его волнение тоже усилилось.

Какие слова подобрать эти знакомым, но ставшим далекими людям?

А она не потерялась – смогла. И говорила, говорила, говорила. А он смотрел на ее храбрющуюся улыбку, на то, как двигаются ярко накрашенные губы, сладость которых он ощущал всего мгновения назад.

– Вы меня простите, правда ведь, что я сейчас увлеченно поговорю про себя? Все же я хотела бы и про вас послушать. У вас все неплохо, я надеюсь? Пресса-сайтики-в-контакты – это одно, а лично за рюмкой поговорить – дело совсем другое. В общем, за встречу! – резюмировала Маргасова.

Дробно звякнули фужеры. Веселье обещало затянуться. Все, как один, изобразили на лицах участливую приветливость.

– Так ты как? То есть кто? – повернулся к опрометчиво решившему, что вечер пройдет благополучно, Владиславу Геннадьевичу Тимур, поправившись. – То есть где?

– Спасибо. Работаю в страховании. Все хорошо.

– Насколько хорошо? Да не темни, ты! – белоснежная улыбка не сходила с его покрытого серебристой щетиной лица. – Детки есть?

– Да. Дочка. Четыре.

– Четыре дочка? Вах! – покачал тот головой. – Вот это ты молодец!

– В смысле года четыре, а дочка одна.

– Все-равно – молодец! А то рожать перестали. Все боятся чего-то. А я так рассуждаю: если женщину любишь, то и ребенок от нее в радость!

– О-о-о, я бы так не торопился с рассуждениями о чужих взаимоотношениях, – вмешался в разговор Сева. – Вот у меня второй брак и третий ребенок. А к бывшей вообще ничего не осталось – Антарктида.

– Ну как ничего? Сам же сказал – ребенок, – возразил Тимур, скорее из вежливости, нежели из-за желания того переубедить.

Среди всей их компании Сева никогда не отличался серьезным отношением к жизни, поэтому шока его логика у собеседников не вызывала.

– Вот всегда ты так! Такое сокровище имеешь и не ценишь! – встряла Маргасова. – Все, вы, мужики – одинаковые.

– А Сусанночка моя меня любит! И я ее люблю, – похвалился Тимур.

– Ну я люблю... дочку, а не бывшую, – уточнил Сева.

– Ну хватит! Любят они! – сердито оборвал Стас. – Расфрантились. Перед кем корчитесь? Все же всё про всех знают.

– Это да-а-а, – пробасил Никита, – зато про Милочку нашу мы много не знаем. Мы как расстались, так и не виделись более.

Маргасова ждала этого момента.

– А знаете, с того времени многое произошло. Мы в шаге от краха были. Помните, как все боялись?

После этих слов над столом повисло молчание. Мужчины переменились в лице. Каждый вспоминал что-то для себя неприятное. Сева ковырял вилкой селедку, Стас отводил глаза, а Тимур прятал в ровно стриженной холеной бороде общую неловкость и замешательство. А вспомнить было что.

Прогнозы на выживаемость дела в те дни были ничтожными. Расходились тихо и по-одному. Сначала Стас вывел серьезную часть капитала. Никита с Севой вообще ушли без предупреждения. Затем Тимур. Владислав Геннадьевич же, как законченный идеалист, остался до конца, дохлебав до дна всю лохань разочарования и финансовых потерь. Соскочил бы раньше – все было бы нормально. Но нет, завис, залип, не прыгнуть выше планки. Ошибка, сделанная на старте, предопределила уровень его успешности как мужчины на всю оставшуюся жизнь, и уровнем этим Владислав Геннадьевич был крайне недоволен.

В схожих ощущениях каждый из присутствовавших мог небезосновательно подозревать своего соседа по столу. От того и приуныли они, слушая искреннюю дрожащую Людмилу Николаевну. Та же храбрилась, как могла.

– Но сегодня я не ссориться собралась. Милые мальчики, все вы знаете историю головокружительного успеха моего фонда. Не могу не сказать слов благодарности замечательному Роману Богдановичу, который очень вовремя появился в моей жизни помог мне посмотреть на бывшее наше дело с иных позиций. С позиций филантропических.

Ну признайтесь же, пускай мысленно, мы с вами кичились самостоятельностью. Слияние и последовавшие перемены пошли нашим организациям на пользу...если абстрагироваться от историй успеха, вернее неуспеха отдельных личностей.

– Лес рубят – щепки летят, – хмыкнул Стас.

– Ну зачем же так? – ласково возразила ему Маргасова. – Помните это помещение? Все главные решения принимают не здесь. Теперь это один из наших малых офисов. Честно, мальчишки, неужели вы так и не поняли, зачем мы здесь собрались?

Недоумевающие лица, на всякий случай, растянулись в дружественных улыбках. Все опасения и сомнения их виднелись на поверхности.

– И вы еще спрашиваете, что мы здесь забыли? Я отвечу – нашу молодость, нашу неуступчивость, наши таланты и старания. Атмосферу, в конце концов! Этот, выражаясь вашими словами, «клоповник» я оставила как память, память о тех классных парнях, настоящих мужчинах, которые не побоялись в смутные времена начать свое дело и вдохновили меня, затянули с собой.

– Ты ответственность-то на нас не перекладывай, – заметил Сева.

– Какой прекрасный стол, ты как всегда, нас балуешь, – трагично и невпопад произнес Владислав Геннадьевич.

– Что вы? Это все не я, – оправдывалась Маргасова.

– А знаете, что в этом столе самое прекрасное?

Все повернулись к Тимуру.

– Самое прекрасное это то, что все уже готово, мы здесь одни и нам никто не будет мешать. Домой поедem на такси!

– Авось и тут заночуем, – хищно прищурился Сева.

– Давайте, уже, выпьем! – резюмировал Никита.

Выпили вина, и напряжение как рукой сняло. Через пятнадцать минут они перебивали друг дружку, гоготали, хлопали по плечам, жали руки, строили смелые планы на ближайшие выходные с выездом на природу.

– Владик, ты это... порыбачить если, поохотиться ко мне в Люляшово приезжай, – привалился с боку Никита, глядя в упор исподлобья.

– Да я, как бы, по рыбалке не особо, да и по охоте тоже, – оправдывался перед ним Владислав Геннадьевич.

– Возражения не принимаются! – отрезал тот, проведя оттопыренным большим пальцем поперек горла.

– И надо же было всплыть этому Богдановичу?! – глядя куда-то в разверзшуюся перед его внутренним взором пустоту, произнес Тимур.

– Ты нам его хоть показала бы, благодетеля своего – возмутился Стас.

– Нет-нет, у меня для вас есть кое-что получше. Вернее кое-кто! – Маргасова показала взглядом на приоткрытую дверь подсобки, откуда тут же донесся плеск воды и звон стекла. Кто-то мыл в раковине бокалы.

За столом установилась тишина. Пошутить успели и про нацпроекты, и про городского голову, и про президента. Вероятность того, что их могли услышать за пределами тесного кружка никого из бывших коллег не прельщала.

– А это кто там у тебя? – нарушил молчание Владислав Геннадьевич.

– А это мальчишки тот, кому мы должны быть благодарны за нашу встречу, – на лице Людмилы Николаевны отобразилось удовлетворение, граничащее с похотью. – Вань, выходи!

Из подсобки вынырнул в меру упитанный малый, вполне годившийся всем присутствовавшим в ровесники. Хмельные взоры рассеянно заскользили по его фигуре.

– Та-дааа, – закричала Маргасова, презентуя им парня. – Ну что же вы молчите? Это же Ваня! Ваня Глазов. Наш спец из техотдела.

– Привет, пацаны, – поднял тот ладонь, то ли протягивая для рукопожатия, то ли пытаясь неловко помахать.

Во всяком случае, чтобы поручкаться со всеми, ему бы пришлось тянуться через накрытый стол.

– Ваня вышел на меня несколько дней назад с этой ностальгической идеей, и мы воплотили ее. Ура! – просияла Маргасова.

Первым издал приветственный вопль Сева, а за ним дружно заорали и все остальные. От сердца немного отлегло. Никита принес еще один стул. Потеснились. Новый гость присел.

– Ну как жизнь молодая? – покровительственно хлопнул его по плечу Тимур.

А Сева выверенным движением налил штрафную.

Владислав Геннадьевич, сидевший напротив, отметил контраст с которым рука Тимура, облаченная в рукав, скрепленный дорогой запонкой, легла на заношенный свитер Глазова, заключив, что дела того бывали и лучше.

– Да не плохо все, – развеял тот его подозрения. – Живу за городом в удовольствие. Не царские палаты, конечно, но жить можно.

– Вот дело человек говорит, – подхватил мысль Никита, – отравил нас город. Все выпендриваемся друг перед дружкой, величаемся! Вот у меня в Люляшово такая баня! Сам срубил! Вот такая!

Он развел свои крепкие ручищи в стороны, чтобы собравшиеся осознали масштаб постройки, затраты сил и немалую его хозяйственность.

– Решено, – хлопнул ладонью по столу Сева. – К тебе поедem. Париться!

– На этом сюрпризы не заканчиваются, – перебила его, осознавшая, что веселье выходит из под контроля, Маргасова.

Она, привстала с места. Сделав вид, что с трудом что-то ищет в кармане, извлекла на всеобщее обозрение бывших коллег толстый ключ.

– Она действительно там? – трагично простонал Сева.

– Сейчас проверим.

Откинув язычок от замочной скважины руководительского сейфа, она вставила в нее ключ. Внутри хриплобрякнуло, стальной лист двери, скрипнув, ушел в сторону, и на обозрение их предстала на белой салфетке, как на пьедестале, непотаятая бутылка водки. Но не простой водки. А той самой гадкой, горькой, сердитой без дозатора и рекламных наворотов, голограмм, плавающих перчиков и прочего мракобесия, русской водки.

– Не думал, что ее еще выпускают, – потрясенно произнес в бороду Никита.

– Эта старая! – сказала Маргасова. – Та самая, что мы не выпили с Нового Года.

– Одной маловато будет, – заметил Стас.

– Пацаны, не ссы, – страшно улыбнулся Глазов, – там в кладовке целый ящик.

– Это меняет дело, – одобрил Тимур.

И в самом деле, дело пошло быстрее. Вскоре все разомлели. Вспомнились славные времена, как носили в обувных коробках взятки муниципалам, как бодались с бригадой Серого, как бодались с ментами, подмявшими бригаду Серого, как позже сменил и тех и других крутой Вартан. Как Сева подрался с налоговым инспектором, который был раза в два его больше, а Стас и Владислав Геннадьевич кинулись их разнимать.

Затем разговор зашел о настоящем. Карьеры, жены, дети, тачки, отдыхи на теплых иностранных берегах, игра на бирже, бизнес, скука.

– В конце концов, вся многообразная человеческая жизнь скатывается в скуку. Уныние один и страшных человеческих грехов – так свойственно нашей природе, – проповедовал Глазов, но его особо никто не слушал.

Компания разбилась на группки по двое.

Застольное общение вошло в ту стадию, когда каждый хотел сказать о чем-то своем наболевшем, пускай и не сильно интересном собеседнику. Более того, реакция последнего на, по сути чужие, проблемы не интересовала говорящего более чем никак.

Тимур, с трудом стараясь сохранить вертикальное положение, домогался до Никиты:

– Сколько имеешь?

– На жизнь хватает, – твердо ответил тот, потому как сложения был более крепкого и хмелел позднее.

– Было же время, – глядя в обступившую его пустоту произнес Тимур, – не знали этих сраных этикетов. Спросишь человека, сколько зарабатываешь. Скажет – пять тысяч долларов. И все понятно. И ясно, что он в такой же жопе, как и ты. Все в ней!

– Ну не скажи, – вмешался Владислав Геннадьевич, – вот Милочка наша, успешная благотворительница!

Оба хотели ему что-то возразить, но тут он сквозь клубы сигаретного дыма различил манящий жест женской руки, и, не слушая их, двинулся на зов.

Вышли на балкон. Холодный вечерний воздух противно резанул по горлу.

– Влад! Владечка, – продолжала звать его Маргасова, пока он не перешагнул порога и не оказался в ее объятиях.

Она опасно откинулась на перилла с обколотыми гипсовыми пилястрами. Чудесное здание представляло собой объект архитектуры, охраняемый государством. Только охранитель то не бдительный, и заниматься реставрацией фактически было некому.

Наконец, он обнял ее за талию, бережно придерживая от неминуемого падения.

– А помнишь, как мы с тобой целовались?

Ее ладони заскользили по его груди.

– Конечно. Ты была пьяна, как, в принципе, и сейчас.

Он вспомнил тот тухлый командировочный вечер. Вернее, никогда его и не забывал. Приходилось летать по стране, меняя часовые пояса чаще, чем грязные рубашки. Тем вечером такая умная, талантливая и соблазнительная Людмила Николаевна ровно так же нежно прижималась к нему в последнем оставшемся номере на двоих Норильской гостиницы.

Тогда он не смог изменить жене, за что впоследствии упрекал себя в безволии.

– Я была пьяна? – возмутилась она. – Ты сам был хорош, вспомни-ка! Вот так ты всегда меня во всем упрекаешь, что бы я не делала! Ты не веришь в меня! Никогда не верил! А вместе нам было бы хорошо.

Речь, произнесенная в сердцах, со слезой, заплетающимся языком, возымела нужный эффект.

– Да, – согласился со всеми ее доводами Владислав Геннадьевич и крепко поцеловал.

Он не верил, что это происходит наяву, с ним, здесь и сейчас. Паря на крыльях какого-то абсолютного детского счастья, обозревался весь мир с его стоящими домами, трубами заводов, замерзшей рекой. Сквозь стелющуюся метель показался город-спутник. Там вечерних огоньков поменьше. Пришедшие после трудного дня люди греются на кухнях, пахнет едой и домом. Запах этого дома у каждого свой. Терпкий, горячий, кислый, влажный, пыльный, сухой, любой, разный, но каждому любимый, бесконечно родной.

Взлетали выше и выше, так высоко, что не хватало воздуха. Под ногами разделенные пространства лесов и полей горели огни далеких городов, разделенных, отдалившихся и чужих. Чем выше поднимаешься – тем дальше расползаются, разбегаются в стороны крохи пробивающегося сквозь тучи искусственного, рукотворного, но теплого человеческого света.

В высоте на орбите черным – черно, нет того света, а звезды целят в спину. Их свет холодный и мертвый. Он шел к нам миллиарды лет и угас, а то, что мы видим, фантом бывшего радостного и яростного, агонизирующего и страшного свечения.

Как стало возможным то, что за несколько лет они так отдалились. Когда они были рядом, им казалось, что один щелчок, одно движение их общей мысли вот-вот и перевернет весь мир. И это касалось не только увлеченности Владислава Геннадьевича молодой симпатичной женщиной. Она была для него чем-то большим, она была другом. Они все были друзьями. В этом и заключалась та их всемогущая волшебная сила, что истаяла, как туман поутру, ушла безвозвратно.

Горечь накатила внезапно. Отстранившись, он мягко посмотрел на крупноватые черты ее лица. Зрелая красота Людмилы Николаевны, представшая так откровенно и расхристанно перед ним, была притягательна и желанна. Желание не только близости физической, но и желание дать почувствовать ей это желание, сделав этим ее счастливее.

Он и не думал, что еще способен на подобное.

Ему захотелось сделать ей подарок, порадовать чем-то простым. Исполнить каприз. Дать на память о себе что-то хорошее, пока они не вознесутся выше крыш домов и холодных гор, бесконечно отдалившись от этого вечера, печально-праздничного стола, этого балкона.

– Ой, – она посмотрела вниз.

Холодный снег таял вокруг ног, ледяной водой стекая в летние туфли, обутые по приходу для красоты и удобства.

Ладони их соприкоснулись.

За спиной раздался стук в окно и громкое улюлюканье, слышное через балконную дверь.

Раскрасневшаяся хмельная Людмила Николаевна, игриво замахала на них ладошкой, мол: «Отстаньте! Стыда у вас нет!»

Желавшие перекурить на свежем воздухе Никита и Сева затащили их обратно.

Последние сигареты докуривали возле ожидавших такси. Каждого отбывающего провожали, словно артиста в последний путь, криками и аплодисментами.

3

Горький кофе без сахара после пьянки перед сном – лучшее средство, чтобы не стошнило. Обязательно положить две ложки. Руки плохо слушались – сахар с приятным шорохом рассыпался по столу.

Искаженный облик смотрел на меня, отражаясь в стекле заварника. Тяжко выдохнув, я намочила тряпку и сгребла остатки в блюдце. Раздеваться не хотелось. Сбросив обувь, я сидела босиком, растирая друг о друга застывшие ноги. Потерявший свежесть наряд, обвис и потерял форму, честно выполнив свое предназначение – усладить их взоры. Было бы чем услаждать?

С другой стороны, единственная девушка в коллективе – всегда Шахерезада. С ней все хотят дружить.

А дружить с мужчинами хорошо. И, главное, выгодно. Лучше, чем с женщинами. Их дружба наивнее и бескорыстней. Все прямолинейнее и понятнее. Если мужик тебя невзлюбил, он не будет скрывать свое пренебрежение за лживо-вежливой улыбкой, однако и серьезных препон в деле чинить тебе не будет. Велика радость – бабу победить.

Так гораздо удобнее. Вступая в схватку, умная женщина всегда выйдет победительницей. Но важно правильно эту победу воспринять. Не кичиться, не махать флагами и не кричать о своей особости на каждом углу. Не дать понять ему, что он проиграл. Поверженного мужчину ни в коем случае нельзя унижать, тогда победить его можно будет еще раз. И еще. И еще, сколько потребуется, а он будет благосклонно воспринимать твой тихий триумф, да еще и комплиментов наговорит.

Дефицит рождает уникальность. Я была их единственной принцессой. По другому и быть не могло. Все женатики хотят горячую девицу из соседнего отдела. Входишь в кабинет, и работа прекращается. Все взоры обращены к твоей упругой фигуре, затянутой в строгий, но от того не менее вызывающий костюм с галстуком и стильными очками. Снять ли гроссбух с верхней полки, поделиться бланками, помочь составить приказ. Задушить жену и сбежать с тобой, пускай не далеко. Хотя бы до подсобки. Чтобы осуществить единственно возможный предусмотренный природой сценарий для встречи двух разнополых особей.

Мужской эгоизм весьма физиологичен, и я поступила правильно, накормив и напоив их как следует. В ином состоянии было бы нелегко меня переварить. Учитывая в особенности, что это лишь начало нашего нового общения, о чем до поры до времени знать им не положено.

Увидеть бы их лица, когда они читали мои проникновенные послания.

Глазов все придумал верно. Надо будет отблагодарить его, когда все кончится.

Да и они тоже хороши. Совокупность мужских увлечений, пороков и грешков нашли свое отображение в портретах моих мужчин.

Тимур, думает, что красавчик. Носится со своей стрижкой и бородой, а сам похож на снеговика. Прогрессирующая гипертония сигнализирует красным носом, но это позволительно с той кабалой, в которую он себя загнал. По-честному, он – единственный из всей компании, на кого можно гипотетически рассчитывать.

Не на Севку же. Тот, как был дятлом, так и остался. Вообще жалею, что пригласила его, но подобная избирательность вызвала бы у остальных нездоровые подозрения.

Никита располнел. Супруга, небось такая же неряха. Распустилась. Совсем за собой не следит. Но надо знать Никиту, уделявшего слишком много душевности общения и сытности завтрака. На классных женщин он не заглядывался, они на него не смотрели и подавно. Лох – это судьба. Диагноз по-жизни. Успешность же мужчины в эпоху экономической модернизации, по-прежнему, коррелируется в головах милых во всех отношениях дам с величиной материального достатка. Поэтому, трезво оценив свои позиции, он закономерно опустил планку, а ночью в темноте под одеялом любая хороша уже тем, что согласна.

Зато Стасик молодец. Вот, кто сколотил капитал. Сеть немецких автосалонов и букмекерская контора не хухор-мухор. И женился по уму. На дочери вице-мэра. Свадьбу освещала пресса. Тесть – сыроварный магнат, поднявшийся на волне импортозамещения, мастер создания информационных поводов, чтобы потешить гостей заказал самого Киркорова. Они с ним в караоке до утра орали. В общем, наибольшее удовольствие от торжественного мероприятия тесть и получил. Еще одно удовольствие с шильдиком из серебряных стрел стояло в его гараже. Как-то принято было в их семействе обмениваться подарками. Невесту, как за отару баранов отдавали. Пребывая в подпитии, Стас не переставал хвалиться практичностью своих немецких партнеров и своим умением вести дело, а это означало, что в долг у него просить бесполезно. Такого на сантименты на разжалобить, предложить же ему нечто большее – это навряд ли.

Нечто большее предназначалось для другого.

Эх, Владик. В жизни каждой женщины есть мужчина, одна мысль о котором вызывает приятную теплую тяжесть под сердцем и внизу живота. Такому можно простить все: и раздолбайство, и отсутствие денег, и черствость, и загулы, и измену. Сложно простить одно – нелюбовь.

Можно ли односторонне любить человека пятнадцать лет? Влюбиться сразу с первого взгляда в наклон головы, манеру речи, уверенную и такую мужскую походку, крепкие, но красивые руки, мимику лица – все, будящее в тебе первобытный инстинкт подчинения, заставляющее беспрекословно идти следом.

Влюбиться и два года скрывать, из-за того, что он женат.

Влюбиться и ночами себя изводить за безволие, за чертову порядочность, лукавое родительское воспитание, призывавшее угождать другим вопреки своему счастью.

А потом я изменила себе, выдавила из себя весь этот гной бестолковой морали, призналась первой в своих чувствах. Не в открытую, конечно же. Как и любого другого самца ловила на тело. А он меня не взял. Ушел, оставив одну напиваться в холодном полутемном номере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.